

ными обстоятельствами, в частности, изменой Крымского хана, соединившагося с ляхами против Хмельницкаго. Вот текст этой грамоты: "Послы ваши Роман и Яков, принесли нам поклон и отдали грамоту, в которой Вы сообщаете, что Махмет Гирей-Хан соединился с ляхами, да кромѣ того с венграми и с разными людьми земли нашей, и воевал против вас, нарушив свою присягу, и Вы, видя вокруг себя врагов, принуждены были позвать к себѣ Москву на помощь. Тѣм не менѣе, однако Вы прибѣгаете к нам и просите, чтоб мы Вас под руку нашу и под оборону приняли, сообразно давним писаніям вашим. Мы вас, яко вѣрных и доброжелательных слуг наших, под оборону нашу берем..." Богдан таким образом не только совершал двойное клятвопреступленіе, не только обманывал двух монархов, но оболгал еще и Крымскаго хана, изобразив дѣло так, будто он, гетман, обратился к Москвѣ, вслѣдствіе измены хана. Между тѣм зависимость была, как раз обратная — хан стал его врагом потому, что гетман перешел к царю. Образцов подобнаго макиавеллизма найдется не много.

"Историческое значеніе личности Богдана, — говорит Костомаров, — должно представиться в ином свѣтѣ. Его преемники — Брюховецкіе, Дорошенки, Орлики и другіе, со второстепенным значеніем, преслѣдуя идею самобытности Украины под верховной властью Оттоманской Порты, не дѣйствовали вразрѣз с политикой Богдана Хмельницкаго, напротив, думали только слѣдовать по указанному им кривому пути, а Юрій Хмельницкій, пожалованный от султана званіем князя Малороссійской Украины, был не "сын недостойный славнаго родителя", но вполне был его достоин, как и Богдан оставил для Малороссіи достойнаго себѣ сына". К этому надо прибавить, что наступившая послѣ смерти Хмельницкаго эпоха необычайнаго политическаго разврата на Украинѣ, когда на добрых полстолѣтія воцарилась вакханалія измены, предательства, клятвопреступленій, бунтов, заговоров, переворотов, эта эпоха гетманщины, прозванная поляками "страшным столпотвореніем вавилонским", — ведет свое начало от Богдана Хмельницкаго.

С упраздненіем гетманства, с разгоном Сѣчи, казачья анархія притихла, но идеологія незадачливаго "лыцарства" продолжала жить, проникла в литературу, в публицистику, передавалась в видѣ устных легенд и преданій. На ней воспитывались всѣ поколѣнія сепаратистов вплоть до нынѣшняго.

Будем, однако, вѣрить, что современные духовные потомки Богуна, Тетери, Дорошенко окажутся не болѣе счастливыми, чѣм их предки в своем стремленіи разорвать братскій союз украинцев с великорусами. Их ложь не в силах будет разрушить глубокой правды, лежащей в основѣ этого союза.

Н. Ульянов.

СРЕДИ КНИГ

"МИТИНА ЛЮБОВЬ"

(Перечитывая Бунина)

С произведеніями Бунина у всѣх связано представленіе об исключительной выразительности его языка, о совершенном мастерствѣ и чувствѣ слова, о вѣрности и мѣткости его характеристик, о глубоком ощущеніи им природы, о его изображеніях любви, жизни и смерти.

Недаром, даже в совѣтской Россіи, многіе писатели учились писать по Бунину, старались понять секрет его композиціи и его словеснаго строя.

За всѣ годы эмиграціи столько уже написано о всѣх произведеніях Бунина, столько сказано о них, что пишущій вновь все время должен опасаться какой-нибудь невольной реминисценціи.

К тому же, говорить — еще лишній раз — о творчествѣ Бунина в данном случаѣ не явилось ли бы признаком извѣстной претензіи?

То, что мнѣ хотѣлось бы сказать о вещах, собранных в книгу "Митина любовь" — "Солнечный удар", недавно выпущенную "Издательством имени Чехова" в Нью-Йоркѣ, — это только личный отклик на то, что при повторном чтеніи особенно задѣло, — и до сих пор тревожит.

— Что такое любовь? Кто такой — человек — на самой глубинѣ, почти недоступной обыкновенному человеческому взгляду?

Творческая интуиція таких художников, как Бунин, дает нам возможность почувствовать иногда как бы двойную природу реальности — правду, видимую всѣм, и присутствующую наряду с нею еще какую-то глубину, какое-то скрытое измѣреніе того, что воистину существует в мірѣ и человекѣ.

— "Что такое — любовь?" — спрашивает себя Митя, щетно стараясь понять непонятное не только для него, но и для всего міра.

— "Ты любишь только мое тѣло, а не душу!" — горько сказала однажды Катя. Опять это были чьи-то чужія, театральныя слова, но они, при всей их вздорности и избитости, тоже касались чего-то мучительно-неразрѣшимаго. Он не зналъ, за что любил, не мог точно сказать, чего хотѣлъ... Что это значит вообще — любить? Отвѣтить на это было тѣм болѣе невозможно, что ни в том, что слышал Митя о любви, ни в том, что читал он о ней, не было ни одного точно опредѣляющаго ее слова. В книгах и в жизни всѣ, как будто, раз и навсегда условились говорить или только о какой-то, почти безплотной любви или только о том, что называется страстью, чувственностью. Его же любовь была непохожа ни на то, ни на другое. Что испытывал он к ней? То, что называется любовью, или то, что назы-

вается страстью? Душа Кати или тѣло доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертнаго блаженства, когда он разстегивал ея кофточку и цѣловал ея грудь, райски прелестную и дѣвственную, раскрытую с какой-то душою потрясающей покорностью, безстыдностью чистѣйшей невинности”.

Митины переживания, конечно, юношески-наивны, но в юношеском ощущеніи, быть может, больше правды, чѣм в разсужденіях взрослых, давно утративших свѣжесть воспріятія, давно отказавшихся от “юношеских мечтаній”.

Земная любовь состоит в сочетаніи того и другого — чувственаго, плотскаго момента и — “любви”, присоединяющейся к нему, примѣшивающейся к “чисто-земному” в какой-то тайной, неуловимой пропорціи. Раздѣлить этого нельзя, а если раздѣлить — нужно уже говорить только об отрицаніи всего “земнаго”, как сдѣлал, на примѣр, Будда или, как Данте, творчески перенести любовь в иной план, в загробный мір, что, по существу, тоже равняется отреченію от этого міра.

Может быть, стихія любви есть самодовлѣющая космическая сила, проникающая во все живое, разлитая в мірѣ, а всѣ существа принужденны, согласно своим особенностям и своему устройству, отзываться на дѣйствіе этой силы в них, — двойственным способом, — физически и духовно, не будучи в состояніи полностью осознать ея содержанія?

В “Митиной любви” и в “Солнечном ударѣ” стихія любви, проявляющаяся в человѣкѣ и в мірѣ — основная нота. Именно потому, что выраженіем этой стихіи в природѣ является ея красота и всѣ ея явленія, у Бунина и возникает такая магія, такое удивительное сліяніе природы с человѣком, и потому его “картины природы” — подлинная жизнь, а не “ландшафты” или “описанія”.

Но центр вниманія Бунина — в человѣкѣ.

Вот, казалось бы, банальный случай — встрѣча на волжском пароходѣ — “Солнечный удар”. Стихія любви, — неизвѣстно почему, внезапно овладѣвает поручиком и путешественницей и бросает их друг к другу. Но в плотском, обыкновенном сліяніи, в безхитростной авантурѣ, как сначала думал сам поручик (Бунин сумѣл показать нам это с необыкновенной убѣдительностью), присутствовало нѣчто неизмѣримо большее.

— “Что?”, — с изумленіем спрашивает себя поручик, но понять и объяснить себѣ этот “солнечный удар” он не может. Но “нѣчто” существует, оно — подлинная реальность, великая сила. То, что овладѣло поручиком, оставляет в нем глубочайшій слѣд. За одни сутки он “постарѣл на десять лѣтъ”, стал другим, пережив свой необъяснимый опыт.

Проявленія стихіи любви в человѣкѣ — безчисленны, от самых элементарных реакцій на нее, до самых возвышенных. — Что сдѣлает человѣкъ с “этим”? — вот основной мотив среди самых разнообразных частных случаев. Безвыходность, неудача, навѣки испорченная жизнь, безуміе и смерть — обычная плата за испытаніе любовью. Любовь — тема древняя, как мір, и в то же время — неисчерпаемая. Логика этой силы, дѣйствующая в человѣкѣ, соприкасается лишь

отчасти, а иногда совсѣм не совпадает с нашей человѣческой логикой — думается при чтеніи разсказов, составляющих эту книгу.

Какое несчастье (“Послѣднее свиданіе”, “Чаша жизни”), когда человѣкъ упустил самое главное, как искажается он, и во что обращается его жизнь.

Почему Ида (“Ида”) любит не своего молодого, красиваго, богатаго и знатнаго мужа, а стараго композитора — и что этот человѣкъ сдѣлал с ея любовью? — Почему? — Но человѣческое “почему” понять это бессильно.

Какую тайну любви знает горбатая крестьянская дѣвушка Анютка, — быть может, “духов безплотных сладострасть” открывается ей в замѣчательном разсказѣ “Полунощная зарница”. И кто этот “дружок потаенный, полунощный, чья дивная и грозная звѣзда горит перед зарею над лѣсом?”

Как много дано было увидѣть полубезумному барину (“Грамматика любви”) в любви к одной единственной женщинѣ, к своей горничной Лухкѣ, и не было ли это бжеуміе одной из лучших форм счастья?

Мировая тема имѣет общечеловѣческое значеніе. В разсказѣ “Братья” Бунин не случайно переносит нас на Цейлон, в райскую и страшную обстановку страны, в которой, вѣроятно, было начало человечества, гдѣ люди живут или в райском невѣдѣніи или прошли уже тысячелѣтній путь, познали всѣ отвѣты, всѣ философіи, всѣ религіи и устали от своего знанія.

“Кама”, т. е. “желаніе”, влекущее к земной любви, о котором говорил “Возвышенный”, Будда, овладѣвает существом сингалезскаго юноши-рикши и губит его, потому что одно — знать о Силѣ, а другое — на себѣ выдерживать ея дѣйствіе.

Вот почему так опасно для юных существ первое соприкосновеніе с нею. “Митина любовь” как бы подводит итог. Она вскрывает самое страшное — для тѣх, кто способен это почувствовать, — явленіе двух тональностей в земной любви и мучительное ощущеніе несоотвѣтствія при отсутствіи какой-либо из них. Митя погибает не от любовной неудачи — измѣны невѣсты, — это был бы банальный случай, но от того, что в самый напряженный момент он с особой силой почувствовал неполноту одной только плотской любви — в своем опытѣ и в опытѣ измѣнившей ему с пошляком, директором театральнаго школы, Кати. (Видѣніе Мити в полудетаргическом состояніи). Митя обманутой мечтѣ о цѣлостном чувствѣ, он убивает себя, будучи не в силах выносить тяжесть распавшейся на части любви. Взрослый поручик, в “Солнечном ударѣ”, находит в себѣ силу жить, несмотря на испепелившую его любовь, бѣдный Митя погибает, так и не поняв до конца того, что с ним было.

Разсказы, собранные в книгу “Митина любовь” — “Солнечный удар”, имѣют еще одну скрытую тему, связанную с основной. Если мы не в силах осознать полностью дѣйствующую в нас стихію любви, то, быть может, и наше представленіе о нашем “я”, о нашей личности, так же неполно, как и наши представленія о любви и о смерти? И если, в планѣ философских отвѣтов, на вопрос “познай самого себя”, человечество тысячелѣтіями бьется над неразрѣшимой загадкой, то, может быть, в нашем ощущеніи, в какіе-то особые моменты, мо-

жет возникнуть иное отношеніе к себѣ, как, напримѣр, у англичанина, в разсказѣ “Братья”: “...Будда понялъ, что значит жизнь личности в этом “мірѣ быванія”, в этой вселенной, которой мы не постигаем, — и ужаснулся священным ужасом. Мы же возносим нашу Личность выше небес, мы хотим сосредоточить в ней весь мір, что бы там ни говорили о грядущем всемірном братствѣ и равенствѣ, — и вот, только в океанѣ, под новыми и чуждыми нам звѣздами, среди величія тропических гроз, или в Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ в черныя знойныя ночи, в горячем мракѣ, чувствуешь, как тает, растворяется человекъ в этой чернотѣ, в звуках, запахах, в этом страшном Все-Едином, — только там понимаем мы в слабой мѣрѣ, что значит эта наша Личность...”

Будучи всегда глубоко отвѣтственным творчески, Бунин должен был остановить своего англичанина на этих словах. Но, — добавим уже от себя, — по ученію Будды, только внѣшній человекъ растворяется во Все-Единствѣ проявленнаго бытія, а “порвавшій цѣпи желанья” находит освобожденіе.

Ю. Тераніано.

ИЗ НОВѢЙШЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

В фантастическом романѣ “Мы” Замятин повѣствует о тѣх будущих временах, когда побѣдит разум и на землѣ воцарится “рай”. Книга эта имѣет свою любопытную исторію: она была написана в СССР в 1920 г., но, конечно, там она издана не была. В 1924 г. роман Замятина был издан в Америкѣ на англійском языкѣ, в тридцатых годах был переведен на французскій и чешскій языки и только теперь, благодаря тому, что Изд. Имени Чехова выпустило книгу Замятина на русском языкѣ, русскій читатель получил возможность ознакомиться с этим острым и талантливым политическим памфлетом.

В Единном Государствѣ (через тысячу лѣтъ) все организовано гениально-разумно. Все населеніе работает для Коллектива и под руководством Коллектива. Каждый отдѣльный гражданин является только частью Коллектива, ничего личного, индивидуального не имѣет, даже имени (всѣ граждане под номерами), и торжественное и гордое “МЫ” в Единном Государствѣ вытѣснило ничтожное и ненужное “я”. Эта огромная Машина-Коллектив живет по плану. Особое расписание (“Часовая Скрижаль”) заставляет всѣх с минутной точностью исполнять то, что им предписано, а посему всѣ спят, работают, ѣдят, пробуждаются, гуляют и пр. исключительно организованно и по командѣ, “единомилліонно”. В Единном Государствѣ царит абсолютное равенство, и все распредѣляется по нормам: жилища, одежда, работа, удовольствія и даже любовь. Единное Государство управляется Благодѣтелем (с квадратным лицом и тяжелыми, карающими руками), который переизбирается и, конечно, единогласно, раз в год, и день его переизбранія для номеров — величайшій праздник (вродъ Пасхи), ибо в этот день всѣ, по командѣ, могут публично продемонстрировать свою любовь и преданность Благодѣтелю. В Единном Государ-

ствѣ всякаго рода искусства управляются соответствующими Бюро, преподается Единная Наука, которая никогда не ошибается, издается Единная Газета, и всѣ граждане должны мыслить одинаково. Счастье номеров — это сознаніе своей несвободы и подчиненія интересам Коллектива; Единная вѣра — вѣра в таблицу умноженія.

Однако на случай появленія каких-либо нежелательных уклонов в Единном Государствѣ существует и Бюро Хранителей, которое бдительно слѣдит за номерами и пресѣкает в корнѣ всякое инакомысліе. Дабы облегчить тяжелый и почтенный труд Хранителей, всѣ граждане обязаны доносить друг на друга, что они и дѣлают с радостью и с чувством исполненнаго долга. Кромѣ того, для той же цѣли приспособлены и всякія техническія достиженія: на улицах, в домах и на работѣ установлены микрофоны, которые записывают всѣ разговоры номеров. Граждане живут в стеклянных домах, и их жизнь протекает на глазах у всѣх. У номеров нѣтъ ни тайн, ни лжи. В рѣдких случаях нарушенія правил, виновных сжигает особым усовершенствованным способом сам Благодѣтель. Это происходит публично, на площади, при чтеніи стихов и музыки, и называется Праздником Правосудія.

Все же в Единном Государствѣ появляется нѣкая женщина №1-330, обладающая Фантазійей, которая возмнила, что личная, духовная свобода важнѣе и значительнѣе всѣх коллективных достиженій. В роковую Женщину влюбляется талантливый инженер № Д-503. Необычная идея прекрасной бунтарки имѣют успѣх, и несчастный инженер едва не становится сообщником обольстительной № 1-330. Чувство долга и преступная любовь в сердцѣ инженера создают драму, которая неизвѣстно чѣм бы закончилась, если бы к этому времени один из врачей Единнаго Государства не сдѣлал бы гениальнаго открытія: кастрація мозга. Это открытіе позволяло посредством прижиганія извѣстной части мозга, совершенно уничтожать у человека способность к фантазійи. Всѣ номера Единнаго Государства, по распоряженію Благодѣтеля, были подвергнуты операціи, и в Единном Государствѣ воцарилось стопроцентное счастье. “Радуйтесь”, — оповѣстила граждан Единная Газета: — “ибо мы совершенны. До сего дня наши дѣтница-машины были совершеннѣе нас”.

Этот фантастическій роман, написанный (не без вліянія Достоевскаго) с большим мастерством и страстностью, — один из самых умных, смѣлых, злых и беспощадных политических памфлетовъ на тоталитарные режимы и, в частности, на режим совѣтскій, а если принять во вниманіе, что Замятин написал его еще в самом началѣ двадцатых годов, то нельзя отказать автору и в дарѣ пророчества: кто мог предсказать в то время с такой точностью, какія формы примет совѣтское государство через 12-15 лѣтъ.

О годах, проведенных Глѣбом в эмиграціи, Б. Зайцев рассказывает в своей послѣдней книгѣ “Древо Жизни” (изд. имени Чехова). Глѣб — отец семейства, извѣстный писатель — переживает войну и как-то внѣшне приспособляется к жизни послѣ революціи. Неприятностей много, но трагедій нѣтъ: ни крови, ни убійств, ни арестов. Однако по своему духовному складу ни Глѣб, ни его близкіе пріять большевизм